

РОССИЙСКАЯ НАУКА В ЛИЦАХ

Книга третья

Москва • ACADEMIA • 2004

УДК 001
ББК 72.3
Р 76

Редакционный совет издательства «Academia»

*М. Е. Алексеев, С. С. Аверинцев, В. И. Васильев, М. Л. Гаспаров,
В. Л. Гинзбург, В. Л. Иноземцев, И. М. Макаров,
Н. Я. Петраков, Р. В. Петров, Н. А. Платэ, В. А. Попов,
К. А. Свастьян, В. П. Скулачев, Е. П. Чelyшев, О. Г. Юрин, В. Л. Янин*

**Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного
научного фонда (проект № 03-03-18038)**

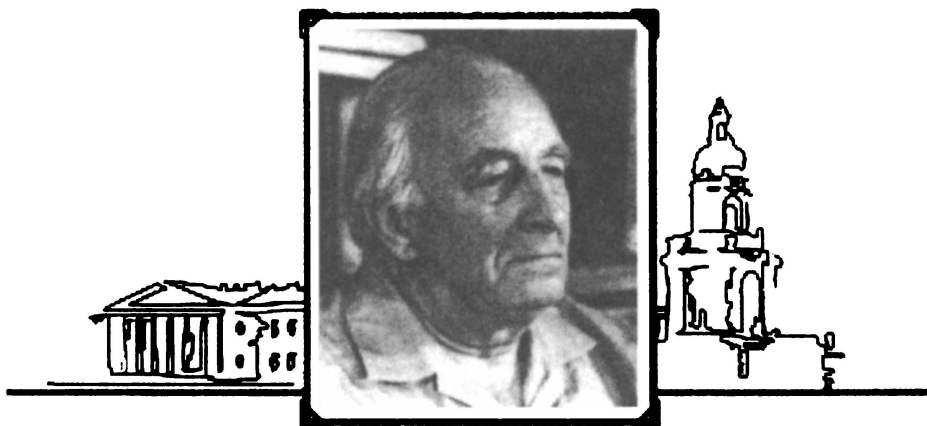
Российская наука в лицах. Книга 3 / Под общей редакцией вице-президента РАН академика Н. А. Платэ. Сост. Т. В. Маврина и В. А. Попов. — М.: Academia, 2004. — 536 с.

В книгу вошли очерки о выдающихся российских ученых. Все они ранее были опубликованы в журнале «Вестник Российской академии наук» (до 1991 г. — «Вестник АН СССР»). Отличительная особенность книги — это ее авторы. Об ученых рассказывают по преимуществу тоже ученые, специалисты в той области знания, в которой плодотворно работали и которой посвятили жизнь герои повествования. Многие перемежают свой рассказ личными впечатлениями. Среди авторов немало исследователей, внесших в свою очередь заметный вклад в отечественную науку. Еще одна отличительная черта книги состоит в том, что о некоторых подвижниках науки даже искушенные читатели наверняка узнают впервые. Очерки расположены в книге по хронологическому принципу — датам рождения ученых.

ISBN 5-87444-049-6
ISBN 5-87444-207-3 (кн. 3)

ББК 72.3

© Авторы, 2004 г.
© Маврина Т. В., Попов В. А. 2004 г.
© Издательство «Academia», 2004 г.

Николай
ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ
(1900—1981)

* * *

Жизнь и творчество Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского можно разделить на ряд временных отрезков. В данной статье речь пойдет о германском периоде. Он продолжался более 20 лет — с лета 1925 по осень 1945 г. и сыграл определяющую роль в его научной жизни. Между тем в исторической литературе этот период до сих пор мало исследован. В повести Д. Гранина «Зубр», с которой, по существу, и начинается исследование биографии Тимофеева-Ресовского, упомянут ряд эпизодов из его жизни в Германии. Но цельной картины здесь нет. Есть и ошибки. И это понятно. Писатель тогда почти не имел доступа к документам. В последующих работах историков сохранялась та же тенденция [1, с. 34—48]. В недавно вышедшей в свет книге

В. В. Бабкова и Е. С. Саканян «Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981)» уже гораздо больше данных, относящихся к 1925–1945 гг., но и здесь далеко до воссоздания общей картины событий [2] .

Данная статья построена на документах 11-томного следственного дела ученого, собранного в сентябре 1945 г. – июле 1946 г., когда шло предварительное следствие и состоялось судебное заседание, а также в 1987–1989 гг. Тогда КГБ решил провести дополнительное расследование в ответ на просьбу реабилитировать ученого, поступившую от сына Тимофеева-Ресовского, Андрея Николаевича, друзей и учеников его отца. В результате к одному тому добавилось еще десять, и возник уникальный комплекс чисто научной документации о пребывании Тимофеева-Ресовского в Германии. Интересные, порой уникальные, документы обнаружены мной в ряде других архивов [1, с. 20–34].

Вначале о предыстории командировки в Германию. Из воспоминаний самого Тимофеева-Ресовского и других источников вытекает, что к 1925 г. Николай Владимирович как молодой исследователь выделялся самостоятельностью, глубиной мышления, заметными научными результатами. Он был генетиком, подававшим большие надежды, хорошо владел немецким, французским и несколько хуже английским языком. Командировка состоялась благодаря директору Института исследования мозга, известному немецкому ученому О. Фогту. Он поддерживал дружеские отношения с руководителями СССР и по их просьбе после смерти В. И. Ленина руководил исследованием его мозга, создал для этого в Москве специальную лабораторию, которая позднее превратилась в Институт мозга. В начале 1925 г. он находился в СССР и искал генетиков для работы в своем берлинском институте.

Как вспоминал Тимофеев-Ресовский, Фогт «попросил Кольцова и Семашко порекомендовать ему русского генетика, по возможности молодого, но все-таки более или менее сформировавшегося. Он собирался у себя в Kaiser Wilhelm Institut в Берлине организовать лабораторию, а потом, может быть, целый отдел биологический, так как интересовался рядом генетических проблем, связанных с мозгами всяческими, с высшей нервной деятельностью. Семашко, со своей стороны, обратился к Кольцову, так как знал, что у него уже организована генетическая лаборатория, которая прекрасно работает на двух биологических станциях института. Кольцов почему-то выбрал меня. Я сперва сопротивлялся. Но уломали Кольцов и Семашко главным образом тем аргумен-

том, что обычно перед революцией, да и теперь, когда начала налаживаться связь русской науки с заграницей, русские обыкновенно ездили учиться чему-нибудь за границу. А меня приглашали не учиться, а наоборот, учить немцев» [3, с. 187–190]. В последнем слове Тимофеева-Ресовского на судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР от 4 июля 1946 г. звучит сходный патриотический мотив: «Когда я ехал на работу в Германию, я был горд этим, горд, что кончилось время, когда только немцы приезжали к нам, а не мы к ним» [1, с. 460].

Оформление поездки проходило в марте—июне 1925 г. 22 марта датировано направленное в институт Кольцова письмо из Берлина Фогта. Он сообщал, что пригласил Тимофеева-Ресовского и его жену для работы в области генетики в Нейробиологическом институте с 15 мая 1925 г. и просил «по возможности облегчить их выезд». 23 апреля последовало заявление Тимофеева-Ресовского с просьбой предоставить ему и жене «командировки сроком на один год в Берлинский Нейробиологический институт (директор проф. О. Фогт) для научной работы в области феногенетики». На обороте рекомендация Н. К. Кольцова с выражением уверенности в том, что поездка «будет очень полезна в интересах установления связей между русской и германской наукой». На заявлении резолюция наркома здравоохранения Н. А. Семашко от 25 апреля «Оказать содействие» [2, с. 41–43; 3, с. 162, 163]. Командировочное удостоверение подписано им 11 мая 1925 г. [1, с. 165].

Но не все было просто. Тимофеев-Ресовский вспоминал: «Некоторые трудности я ощущал в течение примерно трех месяцев, но поскольку я был приглашен в Германию научным институтом, они дали мне разрешение» [1, с. 174]. Вероятно, в верхах все же колебались, выпускать ли молодого ученого в Германию. ОГПУ очень пристально следило за интеллигенцией и знало многое о тех, кто не демонстрировал свою лояльность. Тимофеев-Ресовский, как и его учитель Кольцов, принадлежал именно к этому кругу [3, с. 182–183]. Когда ученого в 1932 г. спросили: «Вы симпатизируете коммунизму?», он ответил: «Нет. Если бы я симпатизировал коммунизму, то я бы жил в России» [1, с. 174]. Политические взгляды Тимофеева-Ресовского, человека верующего, явно расходились с коммунистическими [4, с. 164–165, 196]. Он не мог, например, одобрять репрессии против священнослужителей, отсутствие «достаточной свободы личности» [1, с. 460].

Не совсем просто было получить разрешение на поездку и в самой Германии. Германские чиновники опасались впускать в стра-

ну на продолжительное время советских граждан. Еще находясь в Москве, Фогт посетил германское посольство, где ему рекомендовали обратиться в иностранный отдел Полицей-президиума Берлина. Это сделано в письме Фогта от 16 апреля 1925 г. [1, с. 163–164].

Полицей-президиум решил перестраховаться и получить из министерства науки, искусства и народного образования соответствующую бумагу. Это обеспокоило Фогта, и он 29 апреля обратился с письмом уже в министерство [1, с. 164–165]; 9 мая министр написал на письме Фогта резолюцию: «Настоящим я одобряю разрешение на приезд и пребывание зоологов Николая Тимофеева-Ресовского и госпожи Е. Тимофеевой-Ресовской, урожденной Фидлер, поскольку, исходя из своей компетенции, считаю, что в этом имеется научный интерес» [4, т. 5, л. 113–114].

Из двух апрельских писем Фогта видно, что в Берлин супруги Тимофеевы-Ресовские должны были доставить предоставленный Кольцовым биологический материал, вероятно дрозofil, и работать ассистентами в отделе генетики в Институте исследования мозга. Это подтвердила Елена Александровна во время допроса 6 февраля 1946 г.: «После прибытия в Берлин мой муж – Тимофеев и я начали работать в генетическом отделении института мозга» [4, с. 338]. Фогт назвал и срок их командировки – несколько лет. Она же затянулась на 20 лет с лишним.

В командировочном удостоверении имеется одна интересная деталь: рядом с фамилией Тимофеева-Ресовского стоит «д-р». Как известно, в 1925 г. в советских институтах официально не присваивались научные степени, не было степени «доктор» и у Тимофеева-Ресовского, который не имел даже диплома об окончании университета. Скорее всего, его «произвел в доктора» Кольцов. Он учитывал научные достижения своего ученика и, вероятно, принимал во внимание ту роль, которое это научное звание играет в Германии. Оно открывало двери учреждений и позволяло вести активную научную и преподавательскую работу. В конце 1920-х уже в Германии Тимофеев-Ресовский приложил некоторые усилия, чтобы получить университетский диплом в Берлинском университете, поскольку, как он отмечал в одном письме, «по возвращению в Россию мне надо иметь какой-нибудь диплом (ведь я, как Вы знаете, «самоучка» – диплома никакого у меня нет)». Но у него так и не хватило терпения и времени, чтобы сдать экзамены.

В Берлин Тимофеевы-Ресовские прибыли 1 июля 1925 г., день, когда официально начиналась их работа в Институте исследова-

ния мозга (основан 23 января 1915 г. на средства семейства Круппа) [1, с. 173, 196]. К этому времени он существовал уже почти 10 с половиной лет и входил в состав Общества содействия наукам им. кайзера Вильгельма с несколькими десятками других научных учреждений. Вместе с Николаем Владимировичем и Еленой Александровной генетическими исследованиями дрозофилы и затем божьих коровок в институте занимались несколько немецких сотрудников. В 1926 г. к ним присоединился ученик С. С. Четверикова генетик С. Р. Царапкин, которого Фогту также удалось вызвать в Берлин из Москвы в научную командировку. О своей работе в начальный период Тимофеев-Ресовский вспоминал: «Так вот в Берлине собрались поначалу эти первые мои немецкие сотрудники. Занимались мы дрозофилой. Я заставил всех их... поработать с дрозофилой. Каждый у меня сделал какую-нибудь дрозофильную работку. Все они более или менее всерьез не столько усваивали, сколько осваивали генетику, чтобы затем всякими делами биологическими заниматься уже, так сказать, на теоретическом генетическом фундаменте» [3, с. 204].

Во второй половине 1928 г. было начато строительство нового шестиэтажного здания Института исследования мозга в пригороде Берлина Бухе. Тимофеев-Ресовский руководил строительством оранжерей для отдела генетики: «Я наблюдал за тем, чтобы оранжереи мои были правильно построены. Дело в том, что при новом здании института я заказал себе две специальные оранжереи для экспериментального разведения животных и растений. Такие оранжереи в те времена, в конце 20-х годов, не так часто встречались и за границей» [3, с. 209].

24 февраля 1930 г. строительство нового здания было завершено. Один журналист писал в конце того же года: «Наконец, у Института исследования мозга имеется генетический отдел. В нем на некоторых группах насекомых изучают различные стороны учения о наследственности, чем обычно пренебрегают, однако это изучение необходимо для понимания особенностей строения мозга, как и вообще для разработки учения о строении организма человека» [5, № 1579, л. 317–320].

Первое дошедшее до нас упоминание Тимофеева-Ресовского как руководителя отдела генетики содержится в бухгалтерском документе, датированном мартом 1931 г. Здесь указан его оклад — 10 510 рейхсмарок; Елена Александровна названа неоплачиваемой ассистенткой, работающей на добровольных началах [4, т. 5, л. 117–120].

В своей должности Тимофеев-Ресовский был утвержден на ежегодном заседании попечительского совета института 2 июня 1931 г. Фогту было поручено провести с ним предварительные переговоры для заключения долговременного договора. Это было свидетельством авторитета, завоеванного ученым у руководителей и института, и совета Общества содействия наукам, признания его успехов в научной работе. Подтверждение тому и список научных работ Тимофеева-Ресовского. Со второй половины 1925 г. до конца 1931 г. он опубликовал в немецких, американских и советских научных журналах почти 30 статей по ключевым проблемам генетики и экспериментальной биологии. В них подводились итоги многочисленных экспериментов с дрозофилой и другими биологическими объектами, приведших к масштабным выводам о природе и функционировании генов, о влиянии на них температуры, облучения, об изменчивости генов, генных мутациях и т. д. [6, с. 461—462]. В этот период Тимофееву-Ресовскому как исследователю особенно помогли тесные контакты с советскими учеными, которые часто приезжали в Берлин [3, с. 162]. Он встречался и вел научные дискуссии с Н. К. Кольцовым, В. И. Вернадским, Н. И. Вавиловым, А. С. Серебровским, Ю. А. Филипченко, Г. А. Левитским, Г. Д. Карпеченко, С. Г. Левитом и другими, переводил и публиковал статьи своих коллег, обменивался с ними отгисками статей и т.д. [3, с. 405; 1, с. 251, 344—348]

В Германии ученый не испытывал материальных трудностей, он мог приобрести для своего отдела генетики любое, самое современное научное оборудование. С начала 1930-х Фонд Рокфеллера выделял ему ежегодно на работу отдела генетики 5 тыс. долл., причем он мог распоряжаться ими по собственному усмотрению [3, с. 214—216].

В мае 1931 г. Тимофеева-Ресовского пригласили выступить с докладом на пленарном заседании VI Международного конгресса генетиков в Итаке, а затем несколько месяцев поработать в Голд Спринг Харбор — лаборатории Института генетики в Лонг Айленде. В Итаке в конце августа 1932 г. собралась вся элита генетики, начиная от одного из ее основоположников Т. Моргана, президента конгресса, до Н. Вавилова и Г. Мёллера. Тимофеев-Ресовский вошел в элиту. Его доклад о генных мутациях и еще один материал опубликованы в книге, изданной после конгресса [2, с. 201; 3, с. 219; 6, с. 463].

Опасаясь, что русского генетика «перекупят» в США, Фогт еще до поездки Тимофеева-Ресовского в Итаку предпринял энергич-

ные действия с целью заключить с ним долговременный договор. Он был подписан в начале 1932 г. и состоял из шести параграфов. В нем, в частности, говорилось: «Господин д-р Тимофеев принимается на работу с первого апреля 1931 г. сроком на три года. Условия работы продлеваются каждый раз на следующие три года, если за три месяца до этого не будет объявлено о расторжении договора» [1, с. 171–172].

Договор сыграл большую роль в дальнейшей судьбе ученого. В 1925–1932 гг. единственной опорой Тимофеева-Ресовского в Германии был Фогт. Но после 30 января 1933 г., дня прихода Гитлера к власти, положение Фогта стало шатким. Он был известен как антифашист, поддерживавший тесные контакты с Советским Союзом. И неудивительно, что вскоре он стал объектом травли и нападок. В мае 1935 г. фашисты добились его отставки с поста директора Нейробиологического института при Берлинском университете. Уволить знаменитого ученого с поста директора Института исследования мозга нацистам было сложнее, поскольку институт не был государственным учреждением. Но и эта отставка была вопросом времени. Фогт покинул свой пост 31 марта 1937 г. [5, № 1582, л. 25]. Директором института стал невропатолог Г. Шпатц, убежденный фашист.

Тем временем авторитет Тимофеева-Ресовского как ученого быстро укреплялся. В 1933–1937 гг. в научных журналах Германии и других стран появилось около 45 новых статей Николая Владимировича [6, с. 463–465]. Особенно большой резонанс вызвала статья «О природе генных мутаций и структуре гена», написанная в соавторстве с физиками – сотрудником отдела генетики К. Циммером и сотрудником Института химии им. кайзера Вильгельма М. Дельбрюком. Она дала толчок для появления биофизики и молекулярной биологии.

Тимофеев-Ресовский выступает с докладами на многих германских и международных научных форумах, участвует в дискуссиях на семинарах Н. Бора, входит в состав Германского генетического общества, Орнитологического общества, Биофизического общества, Йенского медицинского и естественно-исторического общества, Германского зоологического общества. «С научной точки зрения Тимофеев, – писал немецкий физик Г. Грауз, – без сомнения один из лучших генетиков и пользуется мировой славой. Приезжающие в Берлин иностранные коллеги, исследующие те же проблемы, что и он, имеют обыкновение обязательно его посещать» [1, с. 195, 196]. Но, несмотря на все это, положение Ти-

мофеева-Ресовского в Институте исследования мозга весной—летом 1936 г. стало неустойчивым. Мысль о его увольнении и предоставлении ему другого места работы впервые прозвучала 12 мая 1936 г. на заседании попечительского совета института [5. № 1582, л. 25].

Фогт, еще занимавший пост директора Института исследования мозга, делал все, чтобы спасти отдел генетики и предотвратить увольнение Тимофеева-Ресовского. Благодаря его усилиям министерство науки Германии приняло решение сохранить за Тимофеевым-Ресовским руководство отделом генетики в прежнем объеме внутри института и предоставить в его распоряжение для этого особые средства [1, с. 187]. После этого Тимофеев-Ресовский сделал выбор в пользу Германии и оповестил о своем решении Фонд Рокфеллера, который пригласил его на работу в США. Одна из причин такого решения — нежелание отдаляться от родины. В случае отъезда в США он и его дети лишались бы автоматически советского гражданства, а значит, и возможности вернуться в Советский Союз. Он также не хотел оставлять на произвол судьбы сотрудников своего отдела (их было одиннадцать).

Идя навстречу Шпатцу, новому директору Института исследования мозга, министерство науки решило развести двух не совместимых друг с другом ученых. Отдел генетики вывели из состава института и предоставили ему самостоятельность в административном, финансовом и научном отношениях. С 1 апреля 1937 г. он назывался Отделом генетики Института им. кайзера Вильгельма и подчинялся непосредственно Обществу содействия наукам им. кайзера Вильгельма. По существу заведующий отделом стал директором института. Для Тимофеева-Ресовского это было несомненным благом. Теперь он мог работать без оглядки на проблематику, связанную с исследованием мозга [4, т. 8, с. 209].

Вскоре после обретения отделом генетики самостоятельности в жизни Тимофеева-Ресовского произошло событие, которое существенно повлияло на его судьбу. Речь идет об отказе советского полпредства в Берлине в начале мая 1937 г. продлить паспорта Тимофеевых-Ресовских. Эту акцию, затронувшую советских граждан за рубежом, можно рассматривать как подготовку к «большому террору».

Тимофеев-Ресовский принес в полпредство паспорта и письмо от 5 мая 1937 г. с просьбой их продлить для завершения научной работы [1, с. 189—190]. Общее представление о дальнейших событиях дала Елена Александровна: «До 1937 г. советское консуль-

ство в Берлине ежегодно визировало наши паспорта, тем самым нам разрешалось проживать в Германии с сохранением советского гражданства. В 1937 г. советский генеральный консул предложил мужу написать в Москву письмо с просьбой продлить срок нашего пребывания в Германии. Такое письмо было написано и направлено в советские правительственные органы, однако мы ответа не получили, а консульство отказалось регистрировать паспорта. В том же году я и мой муж в полицей-президиуме Берлина получили так называемые “фремден-пасс”, т. е. паспорта для иностранцев, и больше в советское консульство не обращались» [1, с. 340].

Активность научной работы Тимофеева-Ресовского тем временем не спадала. С весны 1937 г. до середины 1941 г. он опубликовал примерно 40 статей [6, с. 465—467]. В начале октября 1937 г. выступил на Международном конгрессе по физике, химии и биологии в Париже с докладом «Получение мутаций и структура гена». 22 апреля 1938 г. его избрали почетным членом Итальянского общества экспериментальной биологии, а 30 мая — научным членом Общества содействия наукам [1, с. 194—197]. В 1939 г. ему присудили итальянскую премию Лапаро Спалланцан, а 20 апреля 1940 г. избрали в Академию естествоиспытателей «Леопольдина», в которой состояли многие выдающиеся исследователи начиная с XVII в. В дипломе есть такие строки: «Академия естествоиспытателей настоящим провозглашает господина Н. В. Тимофеева-Ресовского своим членом в знак признания его выдающихся исследований» [7].

5 июля 1938 г. министр науки, воспитания и народного образования Б. Руст, узнав об избрании ученого научным членом Общества содействия наукам, предложил выяснить его отношение «к вопросу о получении германского гражданства» [1, с. 196]. Главный управляющий делами общества Э. Тельшов сразу же сообщил находившемуся на отдыхе Тимофееву-Ресовскому об этом. Его ответ: «После возвращения из отпуска я посету Вас, чтобы обсудить с Вами вопрос о возможности получения германского подданства. С помощью письма это сделать трудно» [1, с. 197].

Николай Владимирович не собирался принимать германское гражданство. Однако решил резких движений не делать и максимально оттягивать ответ. Лишь после второго напоминания, 20 сентября 1938 г. он очень дипломатично отклонил предложение начальства: «Получение нового гражданства, по моему мнению, — очень серьезный и трудный шаг, было бы недопустимо делать его, исходя из чисто “практических” соображений. Я знаю,

что этот шаг существенно облегчит выполнение моей работы и продвижение по службе в Германии. Но именно поэтому подобный оппортунистический шаг вызывает у меня сопротивление» [1, с. 198]. На следующий день Тельшов сообщил в министерство науки о просьбе Тимофеева-Ресовского отложить решение вопроса до середины октября. 6 декабря Тимофеев-Ресовский ответил на новый запрос, что ему нечего добавить к сказанному 20 сентября. В итоге вопрос был снят с повестки дня.

Это было очень смелое решение. Оно демонстрировало патристические настроения ученого и могло закончиться для него трагически. В его отказе имелся и политический аспект. Приняв германское подданство, Тимофеев-Ресовский неизбежно должен был стать членом нацистской партии. Антифашист по своей мировоззренческой и человеческой сути, он в мягкой форме, но решительно отказался от предложения министра науки, тем самым отмежевался и от нацизма.

Эпизод, связанный с отказом от принятия германского гражданства, не был забыт ни в министерстве науки, ни в главном управлении Общества содействия наукам. Научная карьера Тимофеева-Ресовского в Германии была заморожена, дополнительные средства на исследовательскую работу ему приходилось самому искать у спонсоров. И в 1938 г., и в последующие семь лет ученого спасало то, что его высоко ценили как генетика. Летом 1939 г. Николая Владимировича включили в состав немецкой делегации на VII Международный конгресс генетиков, который проходил с 23 до 30 августа 1939 г. в Эдинбурге. Там он был избран в редакционную комиссию конгресса. В конце 1939 — начале 1940 г. Тимофеев-Ресовский ездил также в Италию, где читал лекции и работал в лабораториях.

С апреля 1937 г. Тимофеев-Ресовский сам занимался финансовыми и административными делами отдела генетики. Он составлял научные отчеты о его работе, подписывал письма о служебных перемещениях сотрудников отдела из одной группы в другую, изменении их зарплаты, увольнении и приеме на работу, ходатайства о финансировании научных проектов и т. п. В конце каждого такого документа и ряда других стоят два слова: «Хайль Гитлер!». Недруги ученого использовали это, чтобы его опорочить. Между тем эти слова были неотъемлемой частью официальных документов Германии после 1933 г. и печатались автоматически машинистками. Никакого отношения к политическим взглядам составителя документов они не имели.

Большие надежды у Тимофеева-Ресовского вызвало заключение 23 августа 1939 г. пакта о ненападении между СССР и Германией. Вероятно, у него пробудилась надежда как-то уладить свои паспортные дела. Немецкий биофизик Р. Ромпе вспоминал: «Пакт о ненападении между СССР и Германией он приветствовал, и, по моему мнению, это дало импульс его работе. После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз он был потрясен. С этого времени он занял ясную позицию и встал на сторону СССР» [1, с. 97]. Секретарь отдела генетики Х. Пальм вспоминала о настроении ученого после начала войны: «Он ужасно страдал. Совершенно невероятно. Он был до такой степени несчастен. Это было страшно. Это был для него просто, так сказать, ужасный день» [4, т. 2, с. 158].

Вторая мировая война сказалась на жизни и работе Тимофеева-Ресовского. Судя по указателю трудов, в 1941–1945 гг. он опубликовал примерно 12 работ, то есть меньше, чем за один 1940 г. [6, с. 466–468]. В условиях войны уменьшились возможности проведения как германских, так и международных научных форумов. Интеграция научного сообщества сменилась дезинтеграцией, многие сосредоточили свое внимание на оборонной проблематике. «Генетический отдел во время войны, — писал Тимофеев-Ресовский, — продолжал вести те же научные работы, что вел до войны, т.е. отделом под моим руководством велись научно-исследовательские работы по экспериментальному получению мутации (на мухе дрозофил), биологическому анализу мутационного процесса и природы генов, биологическому применению метода радиоактивных индикаторов, дозиметрии ионизирующих (веществ) лучей, влиянию тотального облучения ионизирующими лучами на живые организмы (на мухе дрозофил и крысах) и другим вещам, имевшим отношение к работам в области генетики и биофизики» [1, с. 410].

В условиях войны руководить коллективом, насчитывавшим 20 научных сотрудников (из них 7 — консультанты), 11 человек — технического и 7 человек — обслуживающего персонала, добывать финансовые средства и оборудование для опытов было не просто. Нелегко было защитить сотрудников отдела от преследований гестапо. Тимофеев-Ресовский принимал на работу перемещенных лиц, эмигрантов, французских военнопленных. Так, у него работал врач А. Кач, в жилах которого текла и еврейская кровь. Николай Владимирович спас его от концлагеря, а в начале февраля 1945 г. и от призыва в вермахт [1, с. 233]. Он подписывал

удостоверения, причем не только сотрудникам отдела, помогая их обладателям пережить смутные времена [1, с. 234].

Сотрудник отдела С. Н. Варшавский писал: «В условиях немецкой действительности, при неистребимой приверженности немцев к совершенному порядку и выполнению приказов и законов подобные справки с печатью в должной мере обеспечивали благополучие, ибо играли существенную роль при какой-либо полицейской проверке» [8, с. 102, 103]. По его мнению Тимофеев-Ресовский спас так несколько десятков человек. «Тимофеевы, — писал другой сотрудник отдела художник О. Цингер, — действительно были поистине спасителями для всех нас. Эта семья помогла уже многим людям. И никогда не спрашивая, как и кому, — русским, французам, немцам, коммунистам, евреям, нацистам, просто ненормальным людям. Они помогали, не обращая внимания на самих себя и без какой-либо сентиментальности, иногда с несколько грубоватой шуткой и насмешкой со стороны Колюши, что в большинстве случаев еще лучше помогало преодолеть трудное положение» [9, с. 267, 268].

По мере того, как рушились расчеты на «блицкриг», подозрительность нацистских властей по отношению к проживавшему в Германии русскому ученому становилась все более явной. 1 июля 1943 г. был арестован старший сын Тимофеевых Дмитрий. Он состоял в Берлинском комитете ВКП(б) — антифашистской организации, включавшей находившихся в Берлине перемещенных лиц из СССР, а также других стран. Дмитрий вел работу среди военнопленных, писал и распространял антифашистские листовки. Сначала Дмитрий содержался в берлинской тюрьме, а затем оказался в концлагере Маутхаузен, где и погиб 1 мая 1945 г. Ученый сделал все возможное, чтобы вызволить сына из заточения [1, с. 231–232, 325–329, 341; 7, т. 2, л. 170]. Но все оказалось напрасным.

Вскоре — новая беда, донос. Он поступил от старого члена нацистской партии Гаазе, который затеял с Тимофеевым-Ресовским провокационный разговор о трудном положении Германии. В ответ неожиданно услышал критику Германии за то, что она не учла силу России, хотя располагала информацией на этот счет. Донос попал в министерство науки, а оттуда 7 сентября 1943 г. был переслан в Общество содействия наукам. Сопроводительное письмо министра предлагало сделать соответствующие выводы: «если не предпринимать строгих мер, то мне кажется, по меньшей мере, требуется взять д-ра Тимофеева под строгое наблюдение, так как

он ведет пропаганду в пользу Советского Союза». В конце концов, руководство общества сочло за благо замять скандал [1, с. 222–223, 228]. Оно хорошо понимало, что без Тимофеева-Ресовского отдел генетики не смог бы сохранить свой престиж в научном мире. «Тима не трогали потому, что слава его была настолько велика, что это было просто невозможно», – говорил Гранину Ромпе [10, с. 95].

В первой половине февраля 1945 г. в связи с наступлением Красной армии директор Института исследования мозга Шпатц принял решение перевести институт на юго-запад Германии, и уехал из Буха [1, с. 378]. У Тимофеева-Ресовского были другие планы. Он хотел вернуться на родину, предоставив в ее распоряжение свой отдел. При этом он хорошо осознавал опасности, связанные с этим возвращением. Французский физик Ш. Пейру вспоминал, как вечером, накануне прихода советских войск, к нему подошел Тимофеев-Ресовский и на вопрос, не опасно ли это, ответил: «Для вас не опасно, для меня может быть смертельно».

Главная мысль, которую ученый внушал своим подчиненным: продолжать работать несмотря ни на что. В письме Г. Борна Г. Шуберту от 28 февраля 1945 г. сообщается: «У нас здесь в Бухе ничего не изменилось. Ни приближение войск с Востока, ни становящиеся все более обременительными бомбежки не выгнали нас до сих пор из Буха. Говоря о «нас», я имею в виду генетику. Исследование мозга здесь уже большей частью отсутствует» [11].

Вероятно, Тимофеев-Ресовский остался не только из патриотических чувств. Он, по всей видимости, надеялся, что многое в СССР изменится под влиянием сотрудничества с союзными странами: США, Францией и Англией, где его хорошо знали. Он считал, что всемирно известный отдел генетики, который он сохранил для своей родины, будет востребован в СССР. К тому же ученый не чувствовал за собой никакой вины: «Я любил свою Родину и ничего против нее не совершал» [1, с. 460]. К этой мысли, высказанной им в последнем слове на судебном заседании, он, несомненно, не раз возвращался в последние недели перед вступлением советских войск в Берлин-Бух. И ему действительно не было в чем себя упрекать.

Бух находится на северо-востоке Берлина. Поэтому передовые отряды Красной армии, приближавшиеся к столице Германии с востока, вошли туда уже 21 апреля 1945 г., то есть более чем за две с лишним недели до капитуляции Германии. Как только наши войска заняли Бух, Тимофеев-Ресовский и И.Б. Паншин отправи-

ли две телеграммы в Москву. Последний вспоминал: «Одной из первых наших акций была отправка телеграммы Сталину. Как только вошли наши части, я разыскал старшего офицера (сейчас не помню, полковник или подполковник) и сообщил ему, что необходимо отправить телеграмму в адрес Сталина. Содержание такое, что нам для работы в Советском Союзе оставлен там-то и там-то такой вот институт со штатом работников и оборудованием, имеющим очень большое значение. Точно такую телеграмму мы отправили еще на следующий, кажется, день» [12, с. 264].

Вероятно, телеграммы возымели действие. Советское командование, получившее задание охранять важные объекты для последующего перевоза их имущества в СССР, осознало, может быть после распоряжения из Москвы, ценность научного учреждения Тимофеева-Ресовского, и здание бывшего Института исследования мозга, где располагался отдел генетики, было взято под защиту. «Проф. Тимофеев при этом был назначен директором Ин-та с обязательством сохранить штат сотрудников и оборудование Ин-та и полностью развернуть научно-исследовательские работы», — отмечалось в одном документе, где говорилось и о том, что проверяющие комиссии дали распоряжение «работать дальше до момента эвакуации Института совместно с сотрудниками в СССР» [1, с. 331].

25 апреля советской контрразведкой были задержаны русские сотрудники института. Цингер так описывает эти события: «Мне кажется, всего было семь человек, Мы должны были залезть в грузовик. Двери закрыли, и мы уехали. Нас доставили в какое-то место и закрыли в подвале. Тимофеев был в панике и готовился к тому, что его расстреляют на месте. Я тоже думал, что теперь все кончено. Топиин пыгался нас успокоить. На следующее утро всех нас обыскали. Отобрали все деньги, ключи, бумажники. Все засунули в мешочки, на которые прикрепили бумажки с именами владельцев... Через одиннадцать дней нас освободили... Большой частью нас допрашивали ночью. Офицер, который меня допрашивал, знал имя моего отца и его книги. Тимофеева допрашивали каждую ночь, и это всегда тянулось бесконечно. Топилина также допрашивали очень долго, а Паншина задержали. Грузовик очень быстро доставил нас обратно в Бух. Встреча с женами и остальными сотрудниками Института стала радостным праздником» [9, с. 267–268].

Теперь отдел генетики стал называться Научно-исследовательским институтом генетики и биофизики и подчинялся непосред-

ственно советской администрации. Вскоре в Берлин из Москвы приехала представительная делегация во главе с заместителем наркома внутренних дел А. П. Завенягиным и группой крупных советских физиков, участников советского атомного проекта. Среди них были Г. Н. Флеров, И. К. Кикоин, Ю. Б. Харитон, Л. А. Ардимович. Главная цель их поездки — использовать интеллектуальный и промышленный потенциал Германии для создания советской атомной бомбы. Завенягин хотел подключить Тимофеева-Ресовского и ряд его немецких коллег к этому проекту — для исследования биологических последствий радиационного излучения [3, с. 350]. Он считал необходимым сохранить институт, а затем переправить его оборудование в СССР.

С мая 1945 г. началась депортация немецких специалистов в Советский Союз для проведения работ, связанных с созданием атомной бомбы. В их числе оказалась группа сотрудников и друзей Тимофеева-Ресовского. Его самого задержали в ночь с 12 на 13 сентября 1945 г. Цингер вспоминал: «В один из вечеров, уже в час ночи или позже, я стоял в кухне нашей квартиры и искал, что можно было “сожрать”. Вдруг я услышал шорох автомобильных шин и увидел огромный черный “Мерседес”, который остановился прямо перед открытой дверью. Трое мужчин вылезли из машины и направились прямо ко мне. “Скажите, вы не знаете, где тут живет профессор Тимофеев-Ресовский?”. Я вызвался их проводить... Колюша еще не ложился, и я сказал ему, что там три человека хотят с ним поговорить. Колюша вышел к ним, и приехавшие очень любезно попросили Колюшу съездить с ними в Берлин на какую-то конференцию. Через час или два его привезут обратно. “Ну я пойду спать, — сказал я Колюше, — ведь завтра мы ужинаем вместе”. После этого мы слышали вновь о Колюше ровно через два года, а я уже больше Колюшу вообще не видел» [8, с. 172–173].

Тимофеев-Ресовский писал позднее: «В 1945 г. я подготовил Институт генетики и биофизики к переводу в Советский Союз. Во время передачи этого института комиссии Советского Союза в сентябре 1945 г. я был арестован» [2, с. 247]. Он видел причину своего задержания и ареста в следующем: «Я был советской администрацией поставлен директором всего института буховского. А потом, с одной стороны, приглашен к Орбели, с другой, Завенягин и Курчатов хотели в атомную систему меня забрать с моими старшими немецкими сотрудниками: физиком Циммером, радиохимиком Борном, радиобиологом Качем. Завенягин для меня

готовил объект на Урале. А какое-то другое управление НКВД, а потом МВД меня посадило» [3, с. 350].

В Берлине ученого продержали две недели, вероятно, допрашивали, пытались найти компрометирующие сведения. 27 сентября 1945 г. было принято «постановление» о его задержании. Через два дня Тимофеев-Ресовский был доставлен в Москву и оказался на Лубянке во Внутренней тюрьме НКВД [1, с. 245–247]. Начался новый период его жизни – лубянский. Он длился с 29 сентября 1945 г. до 4 июля 1946 г., когда был вынесен приговор: заключение на десять лет в исправительно-трудовых лагерях и лишение затем гражданских прав на пять лет.

После этого ученый находился некоторое время в Бутырской тюрьме, а затем 107 дней в Карагандинском лагере, где у физически ослабленного Николая Владимировича развилась тяжелая болезнь (последняя стадия пеллагры). С мая 1947 г. до июня 1955 г. Тимофеев-Ресовский был руководителем биофизического отдела на закрытом объекте лаборатория «Б» в Сунгуле (Урал). С 1955 г. он девять лет руководил биологической станцией в Миассове (Челябинская обл.), заведовал отделом биофизики Института биологии Уральского филиала Академии наук СССР в Свердловске, а в 1964–1969 гг. – отделом радиобиологии и генетики в Институте медицинской радиологии Академии медицинских наук в Обнинске (Калужская обл.). С 1969 г. до кончины работал консультантом Института медико-биологических проблем Третьего главного управления Минздрава СССР.

Германский период жизни Тимофеева-Ресовского, хотя и отразился трагически на его судьбе, ознаменовался небывалым взлетом его научной мысли, превращением его в ученого с мировым именем. Как отмечал немецкий физик Г. Абель: «Эти двадцать лет, согласно его собственным высказываниям, были самыми чудесными годами его жизни» [1, с. 145]. По существу Тимофеев-Ресовский в Германии в течение многих лет олицетворял отечественную генетику в то время, когда в самом Советском Союзе она подвергалась гонениям, а потом была уничтожена.

Не случайно в 1950 г., вскоре после возвращения из Германии в СССР, ученый был выдвинут на соискание Нобелевской премии по разряду «Физиология и медицина» за цикл работ по биофизике. Предложение исходило от директора берлинского Института биофизики Б.Н. Раевского. Если бы оно было принято, то была бы дана справедливая оценка научных результатов, достигнутых Тимофеевым-Ресовским в Германии [2, с. 245].

Нельзя не учитывать и роли германского периода в позднейших научных достижениях Тимофеева-Ресовского в СССР. Методология, эксперименты, теоретические наработки и открытия того времени стали основой и для последующих достижений ученого. Поэтому невозможно исследовать жизнь и творчество Тимофеева-Ресовского без учета того, что происходило в германское 20-летие, ставшее грандиозной удачей его нелегкой судьбы.

*Я. Г. РОКИТЯНСКИЙ,
кандидат исторических наук*

ЛИТЕРАТУРА

1. Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н. В. Тимофеева-Ресовского. Вступительная статья. Документы. Сост. Рокитянский Я. Г., Гончаров В. А., Нехотин В. В. М.: Academia, 2003.
2. *Бабков В. В., Саканян Е. С.* Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900—1991). М.: Памятники исторической мысли, 2002.
3. *Тимофеев-Ресовский Н. В.* История, рассказанная им самим, с письмами, фотографиями и документами. М.: Согласие, 2000.
4. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. № Р-41361.
5. Archiv zur Geschichte von der Max Planks Gesellschaft. I. Abteilung, Rep. 1A.
6. *Тимофеев-Ресовский Н. В.* Избр. труды. М.: Медицина, 1999.
7. Архив Российской академии наук. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.
8. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1993.
9. *Zinger O.* Moskau—Berlin—Paris. Das Leben eines Malers. Leipzig: Reclam Verlag, 1995.
10. *Гранин Д. А.* Зубр // Роман-газета. 1988. № 21.
11. Российский государственный военный архив. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 9. Л. 171—172.
12. *Горяев И. А.* Судьбы людские (интервью с И. Б. Паншиным) // Репрессированная наука. Вып II. СПб: Наука, 1994.